

УДК 947. 088 (571.6)

*Коваленко С.Г.
Kovalenko S.G.*

Трансформации модернизационного потенциала Дальнего Востока в эпоху 1990-х: потери и приобретения в оценках управленцев

**Transformation modernization potential of the Far East in the era of the 1990s .:
gains and losses in the assessments of managers**

В статье рассматривается спектр мнений правящей элиты Дальнего Востока на трансформацию модернизационного пространства региона в эпоху кардинальных социально-экономических перемен. Автор анализирует позиции указанной социальной группы, основываясь на теории Р. Милса и его определении «властвующей элиты» как «отчасти совпадающих групп», которые возглавляют главные политические, экономические и военные институты современного общества, и классическую модернизационную парадигму, понимающую модернизационный процесс как движение общества по стадиям развития от простых к более сложным. Так как большая часть советского управленческого истеблишмента занимала ключевые позиции и в эпоху 1990-х, то во многом от них зависели жизнь и благополучие людей в это время. Особенно это проявлялось в маленьких городах и посёлках, где возможности для реализации стратегий выживания были ограничены по сравнению с крупными городами.

Ключевые слова: модернизация, перестройка, элита, Дальний Восток, трансформация, управление, регион

The article discusses the range of views of the ruling elite of the Far East on the transformation of modernization in the region of space in the era of fundamental socio-economic changes. Based on the theory of R. Mills and his definition of the "power elite" as "partly overlapping groups" heading the main political, economic and military institutions of modern society and the modernization of the classical paradigm that understands the modernization process as the movement of the stages of development of society, from the simple to the more complex the author analyzes the position of this social group. Since most of the Soviet establishment, management played a key role in the era of the 1990s in many of them depended on the life and well-being of people at this time. This is particularly evident in small towns and villages where the opportunities for the implementation of strategies of survival were limited compared to the big cities.

Key words: modernization, restructuring, the elite, the Far East, transformation, management, region

Кардинальные социально-экономические трансформации в жизни страны, инициированные перестройкой, привели Россию к совершенно

Грант РГНФ «Социальные трансформации и процессы модернизации на юге Дальнего Востока в 1985–2012 гг.: противоречия и взаимосвязь» (проект № 13-01-00199).

КОВАЛЕНКО Светлана Геннадьевна, к.и.н. научный сотрудник Отдела социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток). E-mail: ostina@list.ru

новому витку модернизационного развития. Но это мало отразилось на составе региональной элиты. Теория Р. Милса и российские методологические исследования обосновывают тезис о единой властвующей элите, а не о «распылении власти» [7; 4; 3]. Автор считает эту концепцию наиболее удачной для методологии статьи, так как по данным исследования, проведенного сектором изучения элиты Института социологии РАН, более 75% политической и 61% бизнес-элиты – выходцы из старой советской номенклатуры.

Новая политическая элита состояла в 1990-е гг. в основном из бывших партийных и советских работников, а новая экономическая элита рекрутировала кадры из комсомольцев и хозяйственников [8, с. 624]. То есть вся элита состояла из бывшей советской номенклатуры, во-первых, прошедшей единую школу формирования советских кадров и, во-вторых, связанных одной ценностной системой, использующей в решении проблем похожие управленческие практики.

На региональном уровне управленческой системы деятельность местных элит была в «лихие 90-е» особенно значима. Такие устойчивые факторы российского политического пространства, как централизация и персонализация власти, культурная зависимость территорий от «столичной» политической жизни, слабость негосударственных субъектов политики, зависимость средств информации от власти делали региональную элиту ведущим «игроком» на политической сцене регионов [1; 2].

Их положение во властной вертикали 1990-х гг. во многом определяли происходившие в регионе модернизационные процессы, вне зависимости от того, куда был направлен вектор модернизации и какие течения преобладали в субъектах региона. Особую роль в кризисном социуме России играют ценностные ориентации тех личностей, которые относятся к властвующей региональной элите. Исследовательский проект отдела социально-политических исследований ИИАЭ ДВО РАН был направлен на изучение перестройки и постперестроечных процессов на Дальнем Востоке. Автором в рамках этого проекта изучалось мнение региональной элиты по данной проблеме в настоящее время.

Исследование проводилось методом глубинного интервью, во время которого респондентам были заданы вопросы о модернизации России и региона в постперестроечное время. 30 гайд-интервью, взятых у управленцев разного уровня в городах Приморья – Владивостоке, Уссурийске, пос. Кавалерово, Спасске-Дальнем, Арсеньеве, Амурской области – г. Благовещенске, г. Свободном, позволяют выявить ценностные установки элиты и её мнение на процесс модернизации в эпоху кардинальных перемен на Дальнем Востоке.

При проведении интервью внимание уделялось составу респондентов. В исследовании приняли участие два мэра города, пятнадцать чиновников городских администраций в должностях начальников структурных подразделений, заместитель главы администрации района, два руководителя объектов федеральной стройки (космодром Восточный). Возраст самого молодого опрошенного – 34 года, самому старшему на момент интервью было 65 лет. Средний возраст – 60 лет. То есть к моменту распада СССР в 1991 г. им было около 41 года. Это означает, что около 20 лет они проработали в советской системе на различных должностях и намерены были продолжить продвижение по карьерной лестнице.

Никто из участников опроса не готовился к нему заранее, хотя информационные письма были разосланы практически всем. В результате этого получилась объективная картина спектра мнений по теме, которая вызвала большой интерес у респондентов. Правда, в начале беседы все относились к исследовательской группе настороженно. Некоторые не поверили в причину встречи. Один посетовал, что не попросил документы,

обосновав своё мнение тем, что «...времена вообще в чём-то мало изменились, раньше было КГБ, а теперь каждый норовит тебя поймать». Пять человек никогда не слышали об Институте истории в г. Владивостоке, несколько респондентов удивились: «...вы живы ещё? Молодцы».

Необходимо подчеркнуть, прежде всего: в ходе беседы выявился ряд общих базовых мнений по теме. Все участники опроса отметили, во-первых, что модернизация это, бесспорно, движение нашего общества вперёд, к более прогрессивным и сложным формам. Во-вторых, под положительной модернизационной константой в широком смысле управления понимается качественное развитие, совершенствование, накопление позитивных изменений в сознании людей и общества, экономике, социальной сфере, культуре и т.д., то, что обеспечивает соответствие наиболее современным, передовым, наивысшим стандартам, параметрам жизнеобеспечения и жизнедеятельности.

В буквальном смысле модернизация со знаком плюс означает, по мнению элиты, «осовременивание», что предполагает наличие образца, некоего эталона современности, сравнение с которым и позволяет говорить о модернизации как целенаправленном процессе. Таким эталоном большинство видит Россию будущего, развивающуюся по своему пути, так как «...на чужой манер хлеб русский не родится» и, вообще, «транзит западных институтов не состоялся, и освоиться западные практики здесь не могли».

В большинстве бесед подчёркивалось, что мы, т.е. всё население страны, другие. «Хотим того или нет. Это совсем неплохо. Просто многие нас специально критикуют». В продолжение этой мысли: «...да, в 90-е был провал, практически вся промышленность была уничтожена, но мы получили очень дорогой ценой бесценный урок. В России возможно всё только при сильном государстве. Это стало очевидно именно в ту эпоху. К 2000-м все уже наелись свободы, даже те, кто сделал себе капитал и выжил. Им тоже захотелось прозрачных правил игры, стабильности, чтобы деньги сохранить».

Все респонденты особо подчеркнули, что Россия не должна интегрироваться в западный мир. Наиболее часто высказываемое мнение после наводящих вопросов по этому поводу: «...мы в этом не нуждаемся. Всё это только благие пожелания. Нас Европа вообще-то не ждёт, как никогда и не ждала. Вон Прибалтика интегрировалась якобы, и куча проблем плюс потеря самостоятельности».

Под отрицательными модернизационными явлениями большинство представителей властных структур понимает распад СССР и последующие события, приведшие в 90-х гг. к глубокому социально-экономическому кризису. Только один респондент положительно охарактеризовал перестройку и непосредственно деятельность М.С. Горбачёва. «...Я бы лично Горбачёву поставил памятник, система всё равно рухнула бы. Нужна была или жёсткая политическая воля и пошаговое изменение советской системы, или через лет 10-15 всё равно бы произошли аналогичные события. Мы просто, благодаря Михаилу Сергеевич, окунулись в реформы раньше». Но, по мнению большинства других опрошенных (25 чел.), начавших свою карьеру в 1980-х гг., а к 1990-м гг. занимавших управленческие должности, можно было бы и не «...рушить весь модернизационный потенциал, созданный в СССР». Но «для этого необходима была политическая воля, у Горбачёва её не было. Он даже не знал, как конкретно реформы осуществлять, всё на уровне декларативных заявлений, ничего конкретного. Если бы всё это было, жили бы мы сейчас при китайской модели социализма».

Два руководителя отметили другую сторону этого процесса: «...жалко, конечно, разрушенного, заводов и фабрик. Социально людям тя-

жело было. Но сейчас мировая тенденция такова, что всё производство, кроме стратегически важного, переезжает в Китай. Всем так дешевле. У нас просто этот процесс проходил болезненней, чем в мире. Зато те производства, которые выжили, сейчас в целом соответствуют современному уровню, а те которые создаются вновь, создаются на новой технологической базе».

Сюжет о потере советских хозяйственных достижений в интервью встречался у всех опрошенных. Одни отмечали, что до уровня социализма производство не дойдёт никогда. Но некоторые подчёркивали, что «...многое зависело от позиции руководителя предприятия. Ко мне вот в конце 1990-х, после того как я обратился в своё министерство, приехала бригада так называемых антикризисников. Они хотели распродать производство по частям. Я сказал: «Нет». Всё-таки мы дождались лучших времён. Сейчас в связи с саммитом АТЭС работой обеспечены». Один из бывших главных инженеров военного завода выделил персональную ответственность элиты: «...если руководитель не руководит, а занимается своими делами, то это вообще ни в какие ворота. Один из наших директоров так и делал. Времена 90-х и так были не сахар, а тут ещё у него такая позиция. Многих производственных потерь можно было избежать».

Трое респондентов вообще критически оценили советскую модернизацию. По их мнению, если бы предприятия, кроме военных, соответствовали требованиям времени и могли бы конкурировать с западом, не было бы такого обвала. В этом была повинна политика центра. В 90-е гг. первыми, кто отказался от поддержки предприятий, были центральные руководящие структуры. Общий лейтмотив центра был такой: «...выживайте как можете». Министерства, как ёрничал главный инженер судостроительного завода в г. Благовещенске, «перестроились» первыми. Он же отметил, что «...все 90-е наше предприятие простояло, но сейчас, слава богу, пошли госзаказы. Выжили и считаем, что нам очень повезло. Но многие, конечно, не смогли».

Социализация и инкультурация большинства ныне живущих россиян проходила в советский период, что вызвало серьёзные трудности в адаптации к постсоветскому изменению исторической и социокультурной динамики [5, с. 126; 6]. Одной из основных проблем многими руководителями видится неготовность отдельных людей и определённой части общества жить по тем требованиям, которые предъявляет современность. Процесс изменения сознания «...советского человека начался с развалом СССР, и продолжается до сих пор». 90-е гг. XX в. как реформаторский этап российской истории, в конечном счёте, привели к формированию новых социальных типов людей, их новых модернизационных потенциалов, реализация которых определяет развитие российского общества сейчас. Именно способность адаптироваться к новым условиям жизни и является для человека ключевой необходимостью в любых новых процессах – подчёркивали все респонденты.

Так, по мнению мэра г. Свободного, «...все изменения начинаются в сознании. Модернизация, жизнь в современном обществе предполагает ответственность за свои поступки и действия. В советское время людей практически водили за ручку. Ничего решать фактически не надо было. Многие вообще практически не работали. Даже присказка была: «Получаю 120, зато ничего не делаю». Да, в 90-е гг. был развал, наш город вообще до федеральной стройки космодрома просто выживал, как и многие другие российские города. Но ведь часть социально адаптировалась, начали работать вахтенным методом, ездить в другие города на заработки и пережили сложный период. Примерно, процентов 30 населения нашего города продолжают ничего не делать и жаловаться на судьбу... Власть не может всех кормить, а именно этого во многом

лично от меня и ждут. Город должен создавать условия для жизни. По силам власть всегда помогает. Многие уехали в центральные районы, но я всегда говорю: если что-то будет серьёзное, например, военный конфликт, выжить в провинции всегда больше шансов, чем в центре. Если человек работает, он всегда сам себя и свою семью прокормит. Тем более мы здесь ближе к земле. Дачи есть у всех, кто хочет работать на земле».

В администрации Свободненского района Амурской области за время интервью не раз звучала мысль о том, что «...в нашем районе общество остаётся во многом патриархальным. Это тормозит многие современные процессы. Человек в наше время сам должен за себя отвечать. Существуют государственные механизмы для решения того или иного вопроса, но часто люди не хотят ими пользоваться, приходят ко мне, как к заму администрации района. С одной стороны, это объяснимо, я всегда помогу, но с другой, во время разговора часто заметно, что человек не знает, как ему быть, иногда не хочет даже думать о проблеме, а ведь он прожил жизнь, то есть с советского времени в сознании осталось: я живу, так как мне скажут. Сейчас так нельзя. В 90-х гг. очень тяжело было. Конечно, многие по старинке жили и до сих пор так пытаются жить. Мы очень многое в то время потеряли, это касается и развития человеческого потенциала. Многие, особенно среди молодёжи, хотят на дармовщинку всё получать. Когда наводнение было в 2014 г., представители власти выезжали к каждому затопленному объекту. Я понимаю, на помощь рассчитывать могли те, у кого действительно трагедия. Мы всем помогли, больше чем от нас требуется нашими должностными обязанностями. Но сейчас время не советское и никому не стыдно за враньё. Социальной адаптации со знаком минус сейчас очень много. У некоторых затопило едва ли порог дома, а они требовали компенсацию в таких размерах, как будто бы у них два дома снесло. Как объяснить людям, что на чужой беде наживаться нельзя?»

Такие мысли о наличии отрицательных стратегий выживания части населения в эпоху модернизации общества часто звучали из уст элиты. Этому способствовали как тяжёлые постперестроечные времена, закрытие предприятий в регионе, неспособности к адаптации, так и потеря государственного контроля в тех сферах, в которых раньше он был очень жёстким.

Например, образование, от которого во многом зависит уровень развития человеческого потенциала. Многие чиновники отмечали, что нарастают явления, ведущие к утрате профессионализма. Это связывается, в первую очередь, с некачественным государственным образованием и потере у части населения тяги к самообразованию.

Так, руководитель одного из подразделений администрации города в Амурской области подчеркнул: «...все ругают единый государственный экзамен, но после развала советской системы образования резко возросла элементарная безграмотность, особенно в районах. Я в советское время тоже на руководящих должностях был, уровень сельских школ в некоторых районах превосходил уровень школ городских. В 90-е многое было утеряно. Без ЕГЭ вообще невозможно стало. Помню, мы в конце 90-х приехали в одну школу, а там в восьмых и девятых классах многие читать не умели. Нормальные ребята, не дебилы. Я разозлился, всё директору высказал, а она мне: «...вот Вы сами их и научите». Государство правильно сделало, что ЕГЭ запустило. О чём можно говорить? Где эти люди после школы работать будут? Неквалифицированный труд у нас выполняют гастарбайтеры, а другого человеку неграмотному не предложат. Будут сидеть на шее государства и получать пособие по безработице или бомжевать».

По мнению управленцев из пос. Кавалерово, «уровень населения, в том числе и образовательный, позволяет выживать в тяжёлые времена. Вот у нас в Кавалерово, казалось бы, совсем отсутствуют возможности для развития. Но мы не просто выживали в 90-е, мы пытались активно использовать любой шанс и не только сохранили там, где это нужно, старое, но и нашли много нового. У нас прекрасное кафе «Славянка», тяжело им было, но выжили, стали работать по-новому, в новых условиях. Всё благодаря людям. Недавно продали отвалы горно-обогажительного комбината китайцам для разработки. Очень сложно шёл этот проект. Администрация вообще могла бы сказать, что это ей не нужно, но ведь не сказала, работали и добились результата».

Все без исключения респонденты отметили, что потеря советской идеологии в 90-е гг. привела к очень плачевным для общества результатам. Последствия этого процесса не преодолены до сих пор. Выход общества на новые ступени развития не возможен без гражданской ответственности. Это касается, в первую очередь, средств массовой информации.

Контроль за свободой слова необходим, по их мнению, на всех уровнях. «Нет реальной свободы слова в российской журналистике. Это началось в конце 80-х. Очень незначительный период реального правосудия сменился процессом зарабатывания денег. Вот Вы, я или любой другой человек просто так по телевизору не выступит и в газету статью тоже не принесёт. Наша, так называемая оппозиционная пресса, насквозь коммерческая. Помню, одному моему коллеге позвонили из такой газеты и сказали: сто тысяч рублей и критическая статья о Вас не выйдет. Это что – демократия? Да, можно подать на них в суд, но у нас судебная система сами знаете какая. В советское время, если писали в «Правду», «Труд» или «Известия», всегда комиссия приезжала, проверяла, так или не так всё было. Также мне, «модернизировалась» пресса».

Другой важный фактор, отрицательно сказавшийся на качественных характеристиках человеческого потенциала, – насаждение в 90-е гг. крайних форм индивидуалистического мышления. По данным ВЦИОМ, поколение 18-23-летних ориентировано на жизненный проект как индивидуальный успех (64 %) в отличие от традиционной ориентации на общество социальной справедливости и равенства (36%) [5, с.126]. Но в реализации их жизненных стратегий серьёзным препятствием служат как сейчас, так и в 1990 гг. социальные реалии. Все опрошенные отмечали, что индивидуализм молодёжи мешает ей в жизни. «... Человек – стадное животное, или, если сказать культурнее, животное социальное. Потом я, например, часто сталкиваюсь с тем, что, когда у человека всё хорошо, он ярый индивидуалист, как только чуть хуже, всё – власть помощи, мама с папой помощи, в общем, спасайте меня все. Это, конечно, не вина молодёжи, в советское время были пионерия, комсомол, коллективизм. Я, несмотря на свои 34 г., эти формы работы с молодёжью застал ещё. Было в пионерах чувство, что мы команда, нужно подставлять плечо, «сам погибай, а товарища выручай». И мы так себя вести и старались».

Глава департамента образования Благовещенского района подчеркнула: «... молодёжь нужно воспитывать, но это ведь не только родители и школа, это ещё и средства массовой информации. Тиражируя образ очень богатого человека, который всего достиг сам, они фактически продвигают ошибочные жизненные стратегии. Мы ведь знаем, что социальный успех зависит от связей и от умения работать в команде, так было в советское время и сейчас так».

Таким образом, проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что у всех опрошенных преобладает прагматичный подход к постперестроечному процессу, модернизационным трансформациям ре-

гиона в 1990-е гг.; что они ещё не завершены (высказалось большинство опрошенных). Но в целом все респонденты с определённым оптимизмом оценивают настоящее региона. Худшие времена остались позади.

Наиболее ёмко выразили общее мнение представители старшей возрастной группы: «...все деньги, которые могли быть сделаны на всём разрушенном, уже к 2000 гг. были сделаны. Сейчас период обогащения на возрождении всего. Я так спокойно об этот говорю, потому что сам не участвую в процессе. Было время разрушения, сейчас время созидания. Пускай и через коррупционные схемы, но во всех странах так, у нас просто масштабы больше».

Литература

1. Афанасьев М.Н. Правящие элиты и государственность посттоталитарной России. М.-Воронеж. 1996. 223 с.
2. Афанасьев М.Н. Формирование представительных собраний правящих региональных групп // Полис. 1998. № 4.
3. Ашин Г.К. Курс истории элитологии. – М.: МГИМО(У), 2003. 302 с.
4. Боков М. Б. Российская элита о месте и роли России в мире // Общественные науки и современность. 2008. № 2. С 4–17.
5. Гавров С. Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М.: Едиториал УРСС, 2010. Второе издание. 352 с.
6. Крыштановская О. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 51–65.
7. Миллс Р. Властвующая элита. М.: Директмедиа Пабблишинг. 2007. 844 с.
8. Общая и прикладная политология: Учебное пособие. / Под общей редакцией В.И. Жукова, Б.И. Краснова. М.: МГСУ; Изд-во “Союз”, 1997. 992 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Afanas'ev M.N. Pravyashhie ehlyty i gosudarstvennost' posttotalitarnoj Rossii. M.-Voronezh. 1996. 223 s.
2. Afanas'ev M.N. Formirovanie predstavitel'nykh sobranij pravyashhikh regional'nykh grupp // Polis. 1998. № 4.
3. Ashin G.K. Kurs istorii ehlitologii. – M.: MGIMO(U), 2003. 302 s.
4. Bokov M. B. Rossijskaya ehlyta o meste i roli Rossii v mire // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2008. № 2. S 4–17.
5. Gavrov S. N. Modernizatsiya vo imya imperii. Sotsiokul'turnye aspekty modernizatsionnykh protsessov v Rossii. M.: Editorial URSS, 2010. Vtoroe izdanie. 352 s.
6. Kryshtanovskaya O. Transformatsiya staroj nomenklatury v novuyu rossijskuyu ehlytu // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 1995. № 1. S. 51–65.
7. Mills R. Vlastvuyushhaya ehlyta. M.: Direktmedia Pabllishing. 2007. 844 s.
8. Obshhaya i prikladnaya politologiya: Uchebnoe posobie. / Pod obshhej redaktsiej V.I. Zhukova, B.I. Krasnova. M.: MGSU; Izd-vo “Soyuz”, 1997. 992 s.